

Новая Польша 12/2003

0: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- День независимости (польский национальный праздник, отмечаемый 11 ноября) был установлен в 1937 г. в честь обретения Польшей независимости в 1918 году. В этот день I Мировая война завершилась капитуляцией Германии, а в Польше к власти пришел Юзеф Пилсудский. После II Мировой войны и почти 45 летней зависимости Польши от Советского Союза праздник 11 ноября был восстановлен только 15 февраля 1989 г. — в эпоху заседаний «круглого стола».
- Иоланта Квасневская не исключает, что выставит свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах: «Если я решу баллотироваться, то могу заверить в одном: я буду одним из самых подготовленных кандидатов (...) Я не планировала свою карьеру (...) Рейтинг [44% избирателей изъявляют желание голосовать за И.Квасневскую] заставил меня переоценить мой мир, изменить взгляд на Польшу, на свое прошлое (...) Я юрист. В отличие от многих политиков, которым никогда не приходилось нести ответственность за людей, работающих на их собственном предприятии, и думать, хватит ли денег на зарплаты, у меня была своя фирма, достигшая под моим руководством определенных успехов. Благодаря этому я знаю, что такое стабильность и ясность закона (...) Я человек прагматичный. По многим вопросам я могла бы прийти к соглашению как с левыми, так и с консерваторами. Мне кажется, что старое деление на партии давно себя изжило. Я знаю политиков, которые уже несколько раз по неизвестным мне причинам сменили партию, часто руководствуясь только амбициями. Поэтому, в польской политике не хватает не четких границ, а определения главной цели и создания вокруг нее широкой коалиции. А ведь такая цель есть — это вступление в Евросоюз». («Политика», 8 ноября)
- Отчет «Общественный диагноз-2003» свидетельствует о том, что дела у поляков идут лучше, чем у их государства. За последние три года средние доходы польских семей возросли на 14%. Однако 40% домашних хозяйств продолжают сетовать на то, что постоянных доходов недостаточно для удовлетворения текущих нужд. В начале 90-х об этом заявляли две трети хозяйств. На благо местной общественности в последние три года работали 13% опрошенных. Только 12% заявляют о своем членстве в союзах, обществах и политических партиях. («Жечпосполита», 16 окт.)
- Более трех четвертей опрошенных ЦИОМом утверждают, что они «скорее довольны» или «очень довольны» своей жизнью. Число недовольных уменьшилось с 28% в 1992 до 20% в 2003 году. Больше всего довольна молодежь (до 40 лет). («Газета wyborcza», 18-19 окт.)
- Польское общество склонно к размышлениям. Поляки не перестают задумываться о том, что происходит и что могло бы произойти. Они постоянно сравнивают себя с другими обществами, причем прежде всего с более развитыми. Кроме того, они нетерпеливы и хотят быстрых результатов проведенных преобразований. Так охарактеризовали польское общество профессора Ядвига Коралевич и Марек Зюлковский из Института политических исследований ПАН в своей книге «Умонастроения поляков. Образ мыслей о политике, экономике и общественной жизни в 1988-2000 годах». («Жечпосполита», 9 окт.)
- «В Европе социальное государство переживает глубокий кризис (...) Между тем в Польше наступил период раздачи социальных привилегий, хотя никто не задумывается о том, что и у нас придет время отбирать розданное. Может, стоило бы ограничить эту раздачу уже теперь — хотя бы ради спасения таких, еще живых в народе добродетелей, как семейные узы, готовность прийти на помощь и тепло, дающее надежду на будущее даже в самые трудные минуты жизни». (Кристина Гжибовская, «Впрост», 19 окт.)
- Из более чем 3 млн. зарегистрированных безработных почти миллион не ищет работу. Это означает, что статистика вводит нас в заблуждение и истинная безработица намного ниже — на уровне 13,5%. Значительная часть зарегистрированных безработных работает в теневой экономике и не хочет ничего менять. На бирже труда они регистрируются только затем, чтобы иметь право на бесплатное медицинское обслуживание, а в будущем — хотя бы на минимальную пенсию. («Политика», 18 окт.)
- По данным Главного статистического управления (ГСУ), уже седьмой месяц подряд уровень безработицы неуклонно снижается. В январе он составлял 18,7%, в феврале возрос до 18,8%, а затем падал вплоть до 17,5% в сентябре. («Жечпосполита», 31 окт.)

- Государственная администрация — один из крупнейших в Польше работодателей. В 2002 г. в государственных учреждениях работали 338,6 тыс. человек — в два раза больше, чем в 1989 м. Ни в одном секторе экономики занятость не росла так быстро. («Жечпосполита», 27 окт.)
- В Польше средняя продолжительность судебного процесса составляет 1000 дней. Для сравнения: в Голландии судебный процесс длится в среднем 39 дней, в Литве — 74, в Армении — 65, в Словакии — 1003, а в Гватемале — 1460. («Впрост», 9 ноября)
- Из отчета Европейской комиссии следует, что за полгода до вступления в Евросоюз Польша не в состоянии воспользоваться многими возможностями, предоставляемыми интеграцией. Замечания комиссии касаются прежде всего экономики. Членство в ЕС должно было на долгие годы обеспечить Польше динамичное развитие, однако необходимые для этого структурные реформы, по мнению комиссии, застопорились. («Жечпосполита», 6 ноября)
- По данным Польского национального банка, в сентябре платежный баланс был значительно лучше, чем ожидалось. Вместо ожидаемого дефицита в текущих оборотах в Польше наблюдалось превышение доходов над расходами, составившее 61 млн. евро. («Жечпосполита», 3 ноября)
- В январе-августе этого года польский экспорт увеличился на 26% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Стоимость импорта возросла на 20,7%. («Жечпосполита», 14 окт.)
- Ученые из Краковского политехнического института разработали революционный метод переработки пластмассовых бутылок из-под прохладительных напитков. Из них можно производить материал, по прочности сравнимый с бетоном, пропускающий воду, но не впитывающий ее. Благодаря таким свойствам из него можно изготавливать плиты для укрепления почвы и поверхностей, подверженных сильным нагрузкам, для утепления фундаментов, стен, полов и крыш. («Газета wyborча», 14 окт.)
- «Житель Польши тратит на отопление своего дома газом 2900 злотых в среднем ежегодно, американец — на 400 злотых меньше, а словак — на 1800 злотых меньше. По сравнению с 2000 г. польские домашние хозяйства стали платить за газ на 40% больше (...) „Газпром“ продает газ концерну „Польская нефте- и газодобывающая промышленность“ по 125-130 долл. за 1000 кубометров (точная цена до сих пор остается тайной). Турки платят россиянам около 80 долларов (...) Немецкие же промышленные потребители платят на целых 40% меньше, чем польские (...) „Газпром“ поставляет Польше 6,7 из 12 млрд. кубометров природного газа, необходимого нам в 2003 году (...) „Газпром“ держит нас за горло». (Кшиштоф Трембский и Александр Пинский, «Впрост», 9 ноября)
- С 1 ноября, в соответствии с подписанным несколькими днями раньше контрактом, НАК «Нефтегаз Украины» и фирма «Еврал Транс Газ» начали поставлять газ в Польшу. НАК — национальная газовая компания Украины; «Еврал Транс Газ» — посредник, чьих представителей в начале 2003 г. российская пресса обвинила в связях с мафией. Еще в этом году в рамках контракта Польша получит 800 млн. кубометров туркменского газа. В общей сложности до июля 2004 г. в Польшу будет поставлено 2 млрд. кубометров газа. («Жечпосполита», 4 ноября)
- Коррупция, засилье партий в управлении государством и, как следствие этого, разочарование граждан и нежелание участвовать в общественной жизни — такой образ действительности представили участники прошедшей в президентском дворце конференции, посвященной 14 годам польских преобразований. Президент Александр Квасневский пригласил на конференцию более 180 представителей мира политики, экономики, науки и СМИ. («Жечпосполита», 31 окт.)
- Из доклада проф. Януша Рейковского на конференции, организованной президентом: «Неуправляемость государства, массовая коррупция, преступность — все это симптомы одной болезни: глубокого ослабления идентификации граждан с демократическим государством. В дальнейшем последствием такого ослабления может стать развитие антидемократических движений». («Тыгодник повсехный», 9 ноября)
- Согласно опросу ЦИОМа, только 8% поляков положительно оценивают работу правительства (на 3% меньше, чем в сентябре). В то же время отрицательные оценки деятельности кабинета министров возросли с 84 до 87%. Работу премьер-министра положительно оценивают 14% поляков (на 2% меньше, чем в сентябре), а отрицательно — 78% (на 3% больше, чем в сентябре). Зато число положительных оценок действий президента Александра Квасневского увеличилось с 67 до 70%, а отрицательных — уменьшилось с 27 до 23%. («Жечпосполита», 24 окт.)
- После пяти лет лидерства на польской политической сцене «Союз демократических левых сил» (СДЛС) оказался в опросах на втором месте. В опросе, проведенном ЦИОМом, его опередила «Гражданская платформа»,

получившая 20 процентную поддержку. СДЛС поддерживают 18% опрошенных, «Самооборону» — 13%, «Право и справедливость» — 12%, «Лигу польских семей» — 11%, крестьянскую партию ПСЛ — 7%, а «Унию труда» — 6%. Однако в общей сложности правящая коалиция СДЛС-УТ все еще имеет 24 процентную поддержку. («Жечпосполита», 8-9 ноября)

- Депутат Збигнев Семёнтковский, один из лидеров СДЛС и глава Управления разведки: «СДЛС сойдет с политической сцены и канет в политическое небытие, если не переживет радикального, глубокого потрясения (...) Пока что я не вижу механизма, способного очистить СДЛС от случайных людей, которые отпадут на следующий день после того, как партия проиграет выборы (если это, конечно, когда-нибудь случится). Пожалуй, больше всего шансов очистить СДЛС от всех этих патологий появится в ту минуту, когда он перестанет быть партией, членство в которой приносит выгоду». («Газета выборча», 4 ноября)

- Лех Валенса: «Правые верят в Бога и частную собственность. Левые не верят в Бога, но верят в государственную собственность. Однако ситуация, сложившаяся у нас, совершенно ненормальна. „Союз демократических левых сил” опирается на частную собственность. Левые стали правыми, а правые — левыми. После полувекового формирования пролетариата мы только-только начинаем строить демократию». («Политика», 1 ноября)

- В 2002 г. Сейм принял более 42 килограммов законов, что с помощью весов продемонстрировал вице-маршал Сейма Януш Войцеховский. («Жечпосполита», 23 окт.)

- Восемь неправительственных организаций, занимающихся охраной животных и оказанием им помощи, заключили коалиционное соглашение. Они намерены сообща добиваться изменения закона об охране животных. («Газета выборча», 6 окт.)

- По мнению экспертов из Института общественных вопросов, в Польше растет культурная неоднородность и слабеет ксенофобия. Согласно переписи населения, в Польше живет около 5 тыс. беженцев, 10 тыс. репатриантов и 40 тыс. легально проживающих и работающих иммигрантов. Кроме того, по разным оценкам, в Польше легально пребывают, но нелегально работают от 150 до 500 тыс. иностранцев. Труднее всего включиться в жизнь общества беженцам (из Чечни, Грузии, Ингушетии, Шри-Ланки, стран Африки). Репатрианты жалуются на языковую дискриминацию и годами чувствуют себя чужими в новом окружении. Лучше всего чувствуют себя в Польше легальные иммигранты, которые учатся или работают. («Жечпосполита», 28 окт.)

- Информационные надписи на цыганском языке появятся в местности Стшельце-Опольске. До сих пор, помимо польских, там были немецкие надписи. «Цыгане живут бок о бок с нами уже сто лет», — говорит староста Герхард Матея из немецкого меньшинства. По оценке председателя одного из местных обществ цыганской культуры Яна Коженёвского, это первая подобная инициатива в Польше. В Опольском воеводстве живет около 4 тыс. цыган. («Газета выборча», 5 ноября)

- Посол Израиля в Польше проф. Шевах Вейс: «В 1998 г. еврейское общественное имущество было передано еврейским общинам (...) До войны в Польше было больше тысячи общин, а сейчас их всего 12, и насчитывают они по 17, 20, 75 евреев (...) Я благодарен людям, помогающим нам заботиться о наших кладбищах. Прежде всего это замечательная польская молодежь, общество „Антисхемы” Ежи Форналика, фонд Халины Срочинской и сам Зенон Срочинский (...) Часто я вижу и достойные уважения инициативы президентов [мэров] различных городов, бургомистров, старост, депутатов местных советов, а также простых жителей, которые по зову сердца и совести заботятся о старых еврейских кладбищах (...) Я рад, что есть такие благородные организации, как российский Фонд польской семьи Ниссенбаумов, Фонд Лаудера, еврейские общины и не состоящие ни в каких обществах честные и порядочные поляки, которые знают, что от нас здесь остались только память и воспоминания...» («Впрост», 9 ноября)

- 14 октября 1943 г. конспиративная организация еврейских узников фашистского лагеря смерти в Собиборе под Влодавой подняла бунт. Самые опытные бойцы — советские пленные — напали на охранников. Тремстам узникам удалось бежать. Большинство из них было схвачено и расстреляно немецкой полицией. Многих из тех, кому удалось спрятаться, выдали немцам местные жители. Спаслось около пятидесяти беглецов. С мая 1942 до июня 1943 г. немцы уничтожили в Собиборе 250 тысяч евреев и около тысячи поляков. («Жечпосполита», 14 окт.)

- Немецкое меньшинство предложило магистрату Мальборка передать пустующее здание Иерусалимского госпиталя прежним хозяевам города — мальтийским рыцарям. («Впрост», 2 ноября)

- Министр национальной обороны Ежи Шмайдинский: «Польское руководство считает, что наше государство нуждается в укреплении обороноспособности». («Жечпосполита», 27 окт.)
- В бюджете будущего года расходы министерства национальной обороны превысят 3,4 млрд. злотых, т.е. будут самыми крупными за много лет. Заказы на поставку оружия и оборудования, необходимого для участия в иракской операции, в 90% случаев получают отечественные производители. («Жечпосполита», 29 окт.)
- В Ираке погиб польский офицер. Майор Хиероним Купчик был смертельно ранен во время обстрела польской автоколонны. Это первая потеря поляков со времени размещения в Ираке польского контингента. («Жечпосполита», 7 ноября)
- Станислав Лем: «Человек, пытающийся осмыслить ситуацию в мире, погружается во мрак. Число факторов, которые следует учитывать, превосходит возможности нашего ума (...) Над горизонтом нависли свинцовые тучи. Трудно сказать, что из них выползет. Можно поставить карандаш на заточенный конец, но он сразу упадет — только неизвестно, в какую сторону. Именно так выглядит положение нашего мира. Должно быть, после 25 лет понтификата Папа взирает на это с огромной тревогой». («Тыгодник повсехный», 19 окт.)
- Из интервью с Егором Гайдаром: «У вас в Польше правят посткоммунисты, но они совсем не такие [как в России] (...) от них наверняка нельзя ожидать массовых казней или попыток установить тоталитарный режим — ведь они всегда были только отделом КПСС по контролю над Польшей. В связи с этим их полномочия были невероятно ограничены, и они это прекрасно сознавали. После краха коммунизма они активизировались, так как были заинтересованы в том, чтобы существовать в условиях демократии. С ними можно иметь дело. Наши — совсем другие. Это имперская, антисемитская, националистическая партия — никакие не социал-демократы, а национал-социалисты. Вы в Польше не сумели предотвратить прихода к власти ваших посткоммунистов, что, впрочем, оказалось не так уж опасно. Но, если бы мы позволили прийти к власти нашим, это было бы действительно ужасно. И для нас, и для всего мира. То, что нам удалось не допустить этого, — по-настоящему великое дело». («Газета выборча», 25-26 окт.)
- Умер председатель Хельсинского фонда по правам человека Марек Новицкий. «Мы воздаем дань памяти Марека от имени всех россиян, которые стольким ему обязаны», — говорили на похоронах выдающиеся деятели сопротивления советской власти и защитники прав человека Сергей Ковалев и Людмила Алексеева. Произнося прощальное слово, Алексеева держала пачку писем, полученных ею после смерти Марека: «Его ученики писали мне со всей России. Они хотели бы быть здесь, но, если бы они приехали, на кладбище не хватило бы места. Марек помог нам стать профессиональными правозащитниками, превратил молодых энтузиастов в специалистов». «Закон был для него ограничением, а не орудием власти», — сказал Сергей Ковалев. («Газета выборча», 18-19 окт.)
- Славомир Поповский: «Мне близка та Россия, в которой я жил и которую я видел — раз пленительная, а на следующий день кошмарная и невыносимая; Россия моих друзей, с которыми я мог ссориться, смеяться и вести долгие „кухонные“ беседы о жизни и политике (...) Но в то же время Россия, полная нонсенов, непонятных иностранцу (...) замкнутая в себе, непрестанно впадающая из одной крайности в другую. Опасная для других и для самой себя. Короче говоря, Россия моих русских братьев». («Жечпосполита», 25-26 окт.)
- В редакции газеты «Жечпосполита» прошла встреча с главными редакторами крупнейших российских газет. Независимо от множества различий в работе СМИ в Польше и России, все были едины в одном: балласт исторического опыта не может препятствовать продолжению диалога, который в последние годы практически прервался. В результате рядовой русский и рядовой поляк знают друг о друге все меньше, а интеллектуальные контакты между нашими странами поддерживаются только с помощью других. («Жечпосполита», 23 окт.)
- Из выступления проф. Анджея Пачковского на московской конференции «Польша—Россия, 1939-1989: тяжелое наследие»: «Трудно сказать, действительно ли в Польше национальные стереотипы более заметны, чем в России, но я постараюсь объяснить, почему может возникнуть такое впечатление. Россия и русские очень важны для поляков. Для нас интерес к России — одна из главных тем. Между тем Польша для России — страна второстепенная. У большинства россиян нет никакого сложившегося мнения о Польше: она им безразлична. Поэтому в России антипольские стереотипы не видны. В польской историографии сохранилась линия критического подхода к истории своего народа и государства, часто именуемая „краковской школой“. В России весьма распространено оправдание тех или иных действий. Польским историкам легче показывать негативный образ Речи Посполитой, напавшей на Россию в XVII веке и занявшей Кремль, нежели российским говорить подобным образом о 1939 году». («Газета выборча», 3 ноября)

- На Краковской книжной ярмарке были широко представлены русские книги. По мнению переводчицы Эвы Ройтман-Олеярчик, «русская книга возвращается в Польшу после долгих лет отсутствия, неприязни и предубеждений (...) В последнее время мне предлагают все больше переводов. Мы начинаем наверстывать упущенное». («Газета wyborcza», 24 окт.)
- Мариуш Машкевич, бывший посол Польши в Белоруссии: «[Когда-то] польские товары пользовались на российском рынке заслуженной репутацией. Но в последнее время с этим бывают проблемы. В Калининграде я слышал от российских предпринимателей, что там в ходу выражение „польские сосиски” — синоним завалящего товара низкого качества. Хорошую репутацию надо долго завоевывать (...) Однако пришло время жесткой конкуренции, а утратить наработанную позицию очень легко». («Жечпосполита», 7 окт.)
- В Свиноуйсьце вновь открыт демонтированный четыре года назад памятник дружбы польских и советских моряков. Ремонт оплатило Поморское пароходство по просьбе губернатора Калининградской области Владимира Егорова, одного из последних командиров Балтийского флота в Свиноуйсьце. («Газета wyborcza», 27 окт.)
- В 60-ю годовщину битвы под Ленино премьер-министр Лешек Миллер почтил память погибших там солдат польской дивизии. В ходе драматических двухдневных боев поляки выполнили поставленную перед ними тактическую задачу. Они были отозваны с передовой, в частности благодаря ходатайству Ванды Василевской у Сталина. Василевская пришла в ужас от потерь, о которых доложил ей командир дивизии генерал Зигмунт Берлинг: в битве погибло около 600 солдат. («Газета wyborcza», 13 окт.)
- Во время пребывания под Ленино Лешек Миллер встретился с представителями белорусской оппозиции. Как сообщил пресс-секретарь правительства, во встрече принял участие, в частности, председатель Белорусской социал-демократической партии Микола Статкевич. («Жечпосполита», 15 окт.)
- В Белоруссии не осталось ни одного постоянного корреспондента польской прессы. Последним в начале октября закрыло свое представительство Польское агентство печати. Сложившаяся ситуация вызывает беспокойство у белорусской оппозиции. («Жечпосполита», 17 окт.)
- Одна из главных целей недавно созданной Польско-украинской межпарламентской ассамблеи — помочь Украине приблизиться к западным структурам. Председателем ассамблеи с польской стороны избрана вице-маршал Сената Иоланта Данеляк; с украинской — заместитель председателя Верховного совета Александр Зинченко. Ассамблея будет собираться раз в году. Постоянно будут работать две комиссии: общественно-политическая и по делам экономического сотрудничества. Первое заседание ассамблеи прошло в Киеве. («Газета wyborcza», 14 окт.)
- На месте деревни Борщевка, разрушенной 60 лет назад украинцами и немцами, поставлен гранитный крест с польским орлом и надписями на польском и украинском языках. На кладбище, открывшемся там, где когда-то стояла деревня, покоится прах 250 поляков, жителей Борщевки, убитых в 1943 году. «Это мое Едвабне», — сказала участвовавшая в церемонии открытия кладбища супруга президента Польши Иоланта Квасневская. Среди убитых в Борщевке были члены ее семьи. («Жечпосполита», 7 ноября)
- Харцеры из Згежа привели в порядок три кладбища солдат Юзефа Пилсудского на Волыни. В свою очередь украинские скауты приехали в Польшу, чтобы ухаживать за могилами солдат Симона Петлюры в Калише. («Жечпосполита», 31 окт.)
- «В процессе вступления в НАТО и ЕС мы пользовались опытом Польши, которая идет на шаг впереди нас», — сказал президент Румынии Ион Илиеску, благодаря Александра Квасневского за ратификацию Польшей вступления Румынии в НАТО. («Жечпосполита», 9 окт.)
- Из письма в редакцию Анджея Чеслава Жака: «Грузинский офицер-контрактник майор Дмитрий Шаликашвили служил в Варшаве в 1 м полку легкой кавалерии им. Юзефа Пилсудского, в составе которого был отправлен на фронт в 1939 году. Ранее, до 1926 г., он служил в 11 м уланском полку в Цеханове. Сын Дмитрия Ян (Джон) Шаликашвили, родившийся в Варшаве 27 июня 1936 г., в 1993-1997 гг. был главой Объединенного комитета начальников штабов, т.е. высшим по рангу офицером американской армии, подчинявшимся только президенту Клинтону. Генерал Шаликашвили посетил Польшу в 1994 и 1995 годах». («Тыгодник повсехный», 12 окт.)
- К двум годам лишения свободы приговорил Валбжихский суд бывшего офицера госбезопасности Ежи Х. за пытки активистов «Солидарности» в 1982-1986 годах. («Жечпосполита», 6 ноября)

- Варшавский апелляционный суд пришел к выводу, что в люстрационном заявлении бывшего депутата СДЛС и многолетнего дипломата Влодзимежа Конарского содержатся ложные сведения. Конарский не написал в заявлении о своем сотрудничестве со спецслужбами ПНР. В результате он не сможет занимать высоких государственных постов в течение 10 лет. («Жечпосполита», 10 окт.)
- Прокуратура предъявила Збигневу Соботке обвинение в том, что «25 марта 2003 г., занимая должность статс-секретаря министерства внутренних дел и администрации и (...) располагая (...) информацией о планируемой операции Центрального следственного бюро Главного управления полиции по задержанию и привлечению к уголовной ответственности староховицкого старосты Мечислава Славека, заместителя председателя совета Староховицкого повята Марека Басяка, а также членов организованной преступной группировки, занимающейся, в частности, торговлей огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, распространением психотропных веществ, кражей автомобилей и незаконным присвоением транспортных компенсаций (...) он передал сведения о планируемых действиях полиции против упомянутой группировки, Мечислава Славека и Марека Басяка не имеющему соответствующих полномочий [депутату] Генрику Длугошу, который в свою очередь передал их также не полномочному [депутату] Анджею Ягелло, предупредившему о предстоящих действиях полиции лица, против которых они были направлены». («Жечпосполита», 21 окт.)
- «Что ты там, Гжегож, наводишь тень на плетень в деле Соботки? — спросил министра юстиции и генерального прокурора Гжегожа Курчука премьер-министр Лешек Миллер. — Почему я, твой начальник, не знаю о многих вещах?» Ответ министра изумил премьера. «Мой единственный начальник — Уголовный кодекс», — сказал Курчук. В дальнейшем он заявил: «Обратившись к Сейму с просьбой лишить министра Соботку депутатской неприкосновенности, я сделал то, к чему обязывает генерального прокурора закон». (Войцех Сумлинский, «Впрост», 26 окт.)
- О том, что Збигнев Соботка передал сотруднику «Штази» подробные данные, касающиеся внутренней ситуации Польши, стало известно еще в 1994 г., когда были опубликованы документы, хранящиеся в Институте Гаука. Под донесением Соботки было написано: «Источник информации подлежит тщательной охране». По мнению уполномоченного правительства Германии по работе с архивами «Штази» Йоахима Гаука, такая приписка могла касаться только агента. («Газета польска», 22 окт.)
- По мнению Келецкой прокуратуры, об операции Центрального следственного бюро Збигнева Соботку предупредил главный комиссар полиции ген. Антоний Ковальчик. («Тыгодник повсехный», 26 окт.)
- Чистка в высших эшелонах полиции. Должностей лишились главный комиссар и двое его заместителей — создатель Центрального следственного бюро и начальник отдела по предотвращению преступности. («Газета wyborча», 30 окт.)
- Депутат от «Права и справедливости», член комиссии Сейма по внутренним делам и администрации Людвик Дорн считает, что в настоящее время действуют два механизма контроля над полицией. Первый — страх перед сменой власти. В этом случае замеченные под ковер делишки рано или поздно выйдут наружу. Второй — контроль СМИ и общественного мнения. Полицейские и политики опасаются, что те, кого СМИ поймают с поличным, заплатят за это своей карьерой. («Впрост», 26 окт.)
- Премьер-министр Лешек Миллер: «Мы стали свидетелями множества афер. Я имею в виду не только Варшаву, но и скандалы, случающиеся в гминах и органах местного самоуправления. Я стараюсь просматривать местную печать. Честно говоря, иногда это бывает довольно удручающее занятие». («Ньюсуик-Польша», 9 ноября)
- В Польше резко растет число экзорцистов. «Еще пять лет назад в Польше было только четыре священника, которым епископы поручили изгонять из одержимых злых духов. Теперь нас больше сорока», — говорит о. Мариан Пёнтковский, координатор деятельности священников-экзорцистов. «Одержимых все больше, ибо все больше искушений», — поясняет экзорцист из Клеосина о. Бенедикт Борковский. («Ньюсуик-Польша», 26 окт.)
- В специальном обращении к жителям столицы президент Варшавы Лех Качинский призвал их оставлять подвалы доступными для кошек, чтобы тем было легче пережить зиму. («Газета wyborча», 29 окт.)
- Во время встречи с читателями лауреату главной польской литературной премии «Нике» Ярославу Мареку Рымкевичу было задано несколько вопросов о кошках, упоминающихся во многих стихотворениях из награжденного сборника «Закат солнца в Милянубеке». На один из этих вопросов Рымкевич ответил: «Это мои друзья. Никто не знает о них столько, сколько знаю я, и ни у кого нет с ними таких проблем, как у меня». («Газета wyborча», 15 окт.)

- Приведем отрывок из стихотворения Ярослава Марека Рымкевича (в переводе Натальи Горбаневской):

В сад приходить — это может кто хочет

Ты человеческий входи серый котик

Дикий лужок мой вот-вот расцветет

Верю Господь на него забредет

Ночью войдет потихоньку и спросит

Что это кошек из дома уносит

1: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПОЛЬСКОЙ ДУШИ

- После распада СССР полякам полюбили Саша Домогаров и "Тату". Полагаете ли вы, что, прочтя в вашей изданной "Читальником" книге, что Россия - азиатская задница, что с Россией никак невозможно договориться, а русских следует расстреливать, размазывать по стенке, иначе они перестанут быть русскими, - что, прочтя все это, поляки полюбят и вас?
- Я не стремлюсь к тому, чтобы поляки меня полюбили, как Домогарова и "Тату". Я предлагаю читателю вместе со мной задуматься над целым рядом вещей - серьезных и смешных, абсурдных и разумных. Предлагаю этакий овощной винегрет, который, надеюсь, будет вкусным, хотя и уверен, что не каждому придется по вкусу.
- Кстати о вкусе. Мне кажется, многие утверждения в вашей книге могут быть восприняты буквально. К примеру это: "Русские как правило, незстетичны. Неряшливы. С пятнами. На штанах пятна. На жопе тоже пятна, если не прыщи и пупырышки. Пятнистые гады". Или это: "Чтобы понять Россию, надо расслабиться. Снять штаны. Надеть теплый халат. Лечь на диван. Заснуть". Или еще одно: "Русские не терпят хорошего к себе отношения. От хорошего отношения они разлагаются как колбаса на солнце". Вы не боитесь, что это укрепит уверенность в своем превосходстве над русскими у тех поляков, которые вас не любят?
- Нелегкий вопрос. Во-первых, в том, что я писал о русских, содержится часть правды. В этом смысле я поддерживаю тех поляков...
- ...которые утверждают, что русских следует расстреливать и размазывать по стенке? Есть и такие.
- В книге присутствуют некие художественные метафоры, и лучше именно так их трактовать. Там множество стереотипов, доведенных до абсурда. Но, в общем-то, понравится "Энциклопедия..." полякам или нет, это их дело. Я писал эту книгу главным образом для того, чтобы самому разобраться, что есть русская душа. Признаюсь откровенно: если то, что я пишу, совпадет с антирусскими настроениями, огорчен не буду.
- Вы испытали бы удовлетворение, укрепляя антирусские взгляды в Польше?
- Разумеется, я люблю Россию. Моя книга проникнута этой любовью. Наиважнейшим для меня было, чтобы русский мог сказать о своей стране то, что хотел сказать. Если пациент серьезно болен, только вдумчивые исследования помогут поставить диагноз и начать лечение. Я писал о слабостях России, поскольку ее достоинства и величие очевидны. С другой стороны, я пожал бы руку польскому писателю, который смог бы столь же свободно рассказать о своей стране. Думаю, что такая книга вам тоже необходима. Вызываю на соревнование. Разумеется, не социалистическое.
- Вы полагаете, в Польше найдется писатель, позиция которого сходна с вашей позицией по отношению к России, который отважится написать "Энциклопедию польской жизни"?
- Думаю, что да, ведь поляки - народ отчаянный. Могут пойти на это. Я готов поделиться своим опытом. Тем более что очень люблю Польшу. Для меня это особенная страна. Я провел тут много времени. Очень долго это была единственная страна, куда я мог выезжать из Советского Союза. Я искал здесь уголок Запада, а нашел глубокую польскую душу.
- Какие главные статьи должны содержаться в "Энциклопедии польской души"?

- Не хочу ссылаться на свое известное эссе "Если бы я был поляком" огорчительное для Польши, но при этом написанное из любви к ней. Польская душа - понятие не менее емкое и объемное, чем русская душа. Мне нравится в поляках их поразительная способность к сопротивлению. Я имею в виду не только историю, сопротивление фашизму или коммунизму. Я люблю поляков за то, что они умеют сопротивляться всему вокруг. С другой стороны, в поляках много смешного. Они не выносят возражений, они высокомерны. Поляки считают, что им известна вся правда о мире. Они не отдают себе отчета в том, что выглядят смешно, когда безапелляционно провозглашают свои суждения о мире, полагая их истиной в последней инстанции. Кроме того, они ужасно мелочны. С огромным трудом расстаются с сигаретой, если попросишь угостить тебя. Русскому человеку такое совершенно непонятно. Я пожелал бы полякам побольше самоиронии. Это облегчит им жизнь.

- В "Мастере и Маргарите" во время сеанса магии Воланд спрашивает Фагота, сильно ли изменились жители Москвы. Сильно ли изменились поляки после падения коммунизма?

- Они стали гораздо более провинциальными. Всякий раз, приезжая в Варшаву, я ощущаю эту провинциальность. Рано закрывающиеся рестораны, зияющие пустотой вечерние улицы. Тем временем Москва все более уподобляется Нью-Йорку. Мне кажется, что в период ПНР ваша страна была неким средоточием внимания мировых держав. США и СССР боролись за польскую душу. В результате почти все поляки отдали душу американцам. По-моему, Польша себя не нашла. Она так жаждала быть частью Запада, что потерялась в Западе.

- Выходит, поляки обрели свободу и утратили душу?

- Нет, души не утратили. Утратить вы душу, я бы к вам не приехал. Просто польская душа пребывает в поисках самоидентификации. Я заметил на лицах многих отсутствие страстности. Ее заменила подавленность. Понимаю - кризис, безработица. Но поддаваться нельзя.

- Что посоветовали бы русские в такой ситуации? Они ведь тоже сражаются с подобными трудностями.

- Могу высказать только свое личное мнение. Главное для поляков - самоидентификация, они должны найти себя, свое особое место в Европе. Думаю, такое возможно через культуру.

- И в этом могла бы помочь "Энциклопедия польской души", послужив путеводителем?

- Путеводители обычно помогают, в особенности если они написаны искренне и толкуют о душе.

Беседовал Кшиштоф Пилявский

2: ПОЭТ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»

В сегодняшней польской поэзии произошла вещь беспрецедентная — выше всего ценятся и охотней всего читаются поэтические книги авторов, которые известны уже полвека, а то и дольше. Чрезвычайно активный Чеслав Милош родился в 1911 г., остальные замечательные поэты этой плеяды: Вислава Шимборская, Юлия Хартвиг, Тадеуш Ружевич, — пришли в мир в первой половине 1920 х. Не удивлюсь, если в общественном сознании сочинение стихов теперь скорее ассоциируется с олимпийской старостью, нежели с молодостью, скорее с личностями, относящимися к тому возрасту, который порой называют «третьим», чем с бунтующими юношами.

Ситуация необычная, она в корне отличается от той, что сложилась после 1918 г., когда дебютанты безраздельно властвовали над лирической сценой, а из старших поэтов остался один только Стафф, впрочем, тогда еще далекий от «третьего возраста»; даже Лесьмян, поэт, в котором потомком суждено было признать гения, годами пребывал на ничего не значащем втором плане.

Конечно, замечательные лирики, которые так давно публикуются, не затмили до конца поэтов среднего поколения. Дебютанты 1960 х, тогдашняя «новая волна», остаются на виду, и к этой группе, по природе своей не слишком определенной в возрастном отношении, присоединяются более молодые (упомянем великолепного Януша Шубера). Еще есть молодые поэты, их много, сотни, на слуху то одно имя, то другое, несколько критиков заботливо описывают их творчество. Однако пока это литература потенциальная или, выражаясь не столь изящно, некая туманность, в которой еще не выявились бесспорные корифеи, ибо не было дебютов под стать «Балладам и романсам» Мицкевича или первым книгам «скамандритов».

ПУТЬ К СОБСТВЕННОМУ ГОЛОСУ

Поэзия «третьего возраста» не сводится к именам упомянутых четырех выдающихся авторов, в известном смысле она развивается и расширяется. Доказательством пусть послужит новая книга стихов Анджея Мандальяна «Лоскут плащаницы». Мандальян, родившийся в 1926 г., дебютировал в 1951 м и прошел в литературе долгий путь. Он начинал как один из «прыщавых», писал бойкие пропагандистские стихи. Мне не хотелось бы попрекать ими поэта, хотя об одном стихотворении, которое стало знаменитым, я предпочел бы забыть. Как бы то ни было, первые произведения Мандальяна восторга не вызывают. Однако он сумел себя превзойти. Когда поэт заговорил собственным голосом, не навязанным политическим выбором, оказалось, что он — совсем другой. Не только в смысле идейном, хотя и тут его эволюция зашла далеко (в 80 е годы почти все, что он тогда писал, публиковалось в неподцензурной печати), но прежде всего — по самой поэтической материи. «Лоскут плащаницы» — без сомнения, лучшая его книга.

Книга лирики глубоко личной, рефлексивной, негромкой. Поэт говорит об экзистенциальной ситуации, о жизни и — прежде всего — о смерти самого близкого человека. Он записывает скорбные элегии, но собранные в книге стихотворения невозможно свести только к этой прекрасной поэтической форме, имеющей давние традиции не только в польской поэзии. Автор предъявляет счет своей жизни и своему положению в мире — мотив возвращается в разных стихах, а на первый план выходит в поэме «Запись», открывающей сборник. Этот текст и волнует, и озадачивает.

Слово «запись» имеет разные значения, здесь оно связано со всем, что ассоциируется с завещанием. А завещание — не только юридический, официальный текст, это поэтическая форма, которая — благодаря чудесному стихотворению Словацкого — имеет в польской литературе богатую традицию. В «Записи» Мандальян обращается к этой традиции, по сути все произведение — обращение к Словацкому, не только как автору «Завещания» и «Короля-Духа» (приводится памятная формула «Я — Гэр, я — армянин...»), но и как к создателю «Бенёвского». Этот свободно развернутый текст имеет некоторые черты поэмы с отступлениями. Они сосуществуют со стилизацией формы завещания. Поэма начинается так:

Пока умом и телом я здоров —
Ума и тела своего губитель —
Пока потомки не сказали: амен,
Спешу я волю записать свою... От слов
Мысль отречется, суд оспорит завещанье,
Но явится гражданских прав блюститель,
Стукач — последней воли исполнитель.

Традиция Словацкого здесь просто слышна, благодаря не только прямым и скрытым намекам, но и самому крою поэтической фразы и мелодии стиха. Судя по этой поэме и другим произведениям, из великих польских поэтов Мандальяну ближе всех именно Словацкий. Впрочем, он вспоминает и других классиков. К примеру, формула из цитируемого текста — «от слов мысль отречется» — через отрицание становится тонкой аллюзией к известным словам «Большой импровизации» Мицкевича. Поэзия Мандальяна тесно связана с традицией, что не означает, будто она состоит из ученых ссылок, — обращения к традиции всегда носят функциональный характер и составляют один из устойчивых элементов поэтического языка автора. В цикле «Погребальные звоны» аллюзии к Словацкому также играют большую роль, хотя они более завуалированы, чем в «Записи».

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Стихи из «Погребальных звонов» могут быть прочитаны как самостоятельные произведения, но в то же время они составляют композиционно ясный ряд. На разные лады поэт обращается к тени, вспоминает эпизоды совместно прожитой жизни и в весьма лапидарной форме описывает то, что принадлежало их общему миру — и реальному, и внутреннему. Пронзительно стихотворение «Старый человек ищет свою Умершую».

Этот текст по многим причинам репрезентативен для всей книги. Прежде всего тем, что он опосредованно, необычайно тонко и деликатно обращен к мифу Орфея и Эвридики (кстати, наряду с поэмой Милоша, за последние годы это второе — и совершенно независимое — обращение к нему). Мифологический сюжет,

который для невнимательного читателя может остаться незамеченным, составляет конструктивную основу цикла и диктует ему определенные смыслы, включает в культурную реальность. Однако обращение к древней, глубоко укорененной в сознании истории не является повторением мифа. Мы имеем дело с преобразованием и расширением: через миф, можно сказать, происходит подключение к одной из традиций отношения к смерти, закрепленных в европейской культуре.

Данное стихотворение характерно еще и потому, что оно опирается на своего рода разговор. Разговор, ибо умершая — не адресат возвышенных песнопений и хвалы, она — собеседник в диалоге, а стало быть, в каком-то смысле — частица обыденной жизни. Обычный, скромный диалог — основной здесь тип поэтического высказывания. Разговор, а не патетическая ода, в которой поэт с помощью торжественных формул стремился бы поразить читателя красноречием. В старых риториках говорилось о трех стилях: высоком, среднем и низком. Это деление относилось к поэзии классицизма, хорошо систематизированной, функционировавшей среди стабильных общественных реалий. К современной поэзии оно неприменимо, однако я упоминаю о нем, чтобы особенно подчеркнуть: высокий стиль решительно чужд поэзии Анджея Мандальяна. А в медитациях и плачах можно было бы его ожидать.

В сведении счетов с самим собой и своей жизнью, в стихотворениях, посвященных умершей жене, в произведениях, тема которых — сущностная экзистенциальная ситуация, поэт оперирует разговорным языком, не чурается и просторечия. Эти обороты не диссонируют — напротив, это один из факторов, определяющих литературный профиль его поэзии, одна из составляющих ее оригинальности. Чтобы писать о смерти и боли, не нужно быть поэтом возвышенным. И Мандальян, к счастью, не таков. Я говорю об этом потому, что недавно объявилась программа «высокой» поэзии, и то тут, то там она обретает сторонников. Я убежден, что это программа заранее запланированной искусственности, ведущей к скуке, которой трудно избежать. В последнее время я не встречал ни одной достойной внимания попытки реализовать такую эстетику.

ФРАГМЕНТ БОЛЬШЕГО ЦЕЛОГО

Я начал с размышлений о поэзии «третьего возраста», к ним же, завершая эти заметки, и возвращусь. Ибо это не только вопрос записанного в метриках возраста авторов — речь также (а в сущности — прежде всего) идет о характере их поэзии. Разумеется, не следует сводить творчество столь выдающихся и различных авторов к единому образцу, однако стоит подчеркнуть, что «третий возраст» проявляется в протяженности временной перспективы, в том, что в стихах выражена возможность проникновения в разные времена, что даже минута — как у романтиков — это фрагмент если не вечности, то времени пространного и труднопостижимого. Именно такое время ощутимо в новых стихах Анджея Мандальяна.

3: АНДЖЕЙ МАНДАЛЬЯН

Анджей Мандальян (1926-2011) родился в Шанхае. До 1947 г. жил в СССР, изучал медицину и литературу. Писал по-русски. Как польский поэт дебютировал в 1950-м. В 1976г. подписал «письмо 101-го» с протестом против изменений в конституции ПНР, после чего на его имя в печати был наложен запрет. С тех пор печатался в неподцензурных изданиях. Автор нескольких сборников стихов, романа, радиопьес и киносценариев. Переводил стихи русских поэтов, в частности Осипа Мандельштама, прозу Василия Аксенова, Евгении Гинзбург и Булата Окуджавы. Автор автобиографического романа «Красный оркестр». Один из составителей изданных в 1971 г. «Антологии современной русской поэзии. 1880-1967» и антологии «Русские символисты и акмеисты».

*

* *

Публикации "Новой Польши":

Анджей Мандальян, Запись и другие стихотворения, 12/2003

Анджей Мандальян, Родство по выбору, 5/2006

Анджей Мандальян, Из книги «Поэма отъезда» , 12/2007

Об Анджее Мандальяне:

Михал Гловинский, Поэт "третьего возраста", 12/2003

4: ЗАПИСЬ

ЗАПИСЬ

Пока умом и телом я здоров —
Ума и тела своего губитель —
Пока потомки не сказали: амен,
Спешу я волю записать свою... От слов
Мысль отречется, суд оспорит завещанье,
Но явится гражданских прав блюститель,
Стукач — последней воли исполнитель.
Агент в гражданском — этот знает точно,
От чьей кончины кто и что приобретет:
В могиле братской застолбил мне место прочно,
Кость каждую мою поставил на учет
(Все схвачено — гони мол штраф, дурак)...
От плоти плоть... Отхлынет кровь от щек —
Смерть это вам не в кубики игра
Готические, не гольбейновская дама,
Не всадница с косой, не беспощадный рок,
Не швабский «шляг» и не московский «швах»!
А вековечный тайный польский страх —
Петля, ловушка, выгребная яма,
Крест, в землю втоптанный среди дорог,
Как очевидный знак, что есть на небе Бог.
— А почему страх — польский? — Очень просто:
Никто из нас до смерти не дорос, но
Скажи, а кто еще повержен был, как лях,
Кто, столько шансов загубив, зачах,
Кто так дерьма при жизни наглотался,
Кто столько сил угробил просто так,
Как среднестатистический поляк?

Но ведь регалии, и герб, и слущкий пояс
Он спас от всех врагов и передряг...
Недоедал — а речь родную сберегал!
Хлестал горилку, помня предков, то есть —
Остался жив... Сто лет он возглашал
От бора к бору дерзкое «Сто лят!»...
Что я здесь делаю? По выбору — поляк —
Средь тучных нив и на межах посконных,
Где курвы-нищеты сиротская слеза,
Среди ржаной стерни, картофельного ада,
Полей свекольных и трущоб бетонных
Я в генах чую сладость винограда,
Я — Гэр, я — армянин, чей герб — лоза,
Чье слово — золото, как Божия роса!
И здесь, над Свидером, — печать иного края,
Гриф с переменной геометрией крыла
Клюв геральдический от самых гор Кавказа
Сюда простер (вегетарианство презирая) —
Что я здесь делаю?
Я корчусь от цирроза
Всей жизни — я хранил в душе орла,
Но адской решкой был придавлен сразу.
Шальные родины — чулок на морде (маска) —
Заранее, почем фунт лиха, знают.
Отживший миф, слежавшаяся сказка,
Портянок прелых легкий запашок...
Скулят, подмоги просят—дескать шок.
Сны о могуществе, дешевка воздыханий...
Мой пес держался лучше, подыхая.
Труха, кипящая в смоле и сере!
Интриги призраков, порочная игра...
Ввязались сходу—на погибель антиподам —

Во всенародный спор о совести и вере
В стране придурков с искаженным кодом,
И ни души живой, ни дома, ни двора—
Шифровка краха с ночи до утра!...
Господь свидетель! Если есть Он... (Помню—был,
И верю — будет, хоть напрасно здесь,
Под гнойным небом, Провиденья Око
Мы ищем...) Внукам, узникам судьбы,
Не завещаю я ни родины, ни Бога!
Ни чести — вся пошла вразнос как есть:
Ей все блюют...
Я жив. Я возвращаю честь.
Я возвращаю взнос. И корни отсекаю.
С горбатой прямизны к кривому счастью
Вернулся. В прах. К себе, в пространство-между,
Где правит только притяжение. Каюсь,
Но зло, добро, страх, истину, надежду,
Грех первородный и Христовы страсти
Я уношу с собой, как прочие напасти.
Пускай мне это завтра выйдет боком —
Не надо колокольной круговерти.
А мир? На нас права он вечно предъявляет,
Всё пошлость, как заметил мэтр Набоков;
Пускай нам жизнь собою быть мешает—
Удар хватил — и вот мы дома. Верьте:
Нет лучше ксивы, чем свидетельство о смерти!
Тебе, родня, седьмой воде на киселе,
Вам, детки, на кого внезапной манной
Посыпались меха, баулы, моль,
Не дам я ничего, и хватит лить елей,
Весь длинный ряд моих достоинств—только мой,
Во мне одном их смысл, и соль, и суть.

Со мной они уйдут в последний путь.

А сыновьям — всем тем, кто строит дом

В песках зыбучих, ничего не дам,

Лишь ближнего жену. И то невольно:

Я, черт возьми, пока хватаю воздух ртом,

Я жив еще — не мне, а миру больно —

Ему каюк с его ослами и волами,

А я — я только примеряюсь к яме...

.....

Единственной Тебе, из пепла взятой в синь

С челом из бронзы и очей лазурной высью,

Тебе, которой все ничто — и ныне, и всегда,

Вручу сокровище — звезду Полярную,

Что освещала наши звездные года

В лесной глуши, среди родников и тисов...

Всё... Камень в воду.

Мой завет написан.

ГОВОРIT ИОАННА

— Так вот: сначала — страх,

тот самый, первобытный, что всегда сидит

под кожей, а по ней идут мурашки,

обычный животный рефлекс,

вульгарный страх, вне всякой метафизики:

паника, ужас, кошмар, никакой утонченности...

А потом еще будет страх боли,

безумный визг, когда ни капли морфия

и вдруг начнет ломать, а ты один на один с этой пыткой,

вынесенной взрывом из-за адских врат,

но все-таки—спасительной.

Держись за этот страх,

ибо вместе с болью

возвращается особый дар различать

ночь, ждущую впереди,
и день, который прошел,
способность видеть мир иерархически стройным,
осознавать страдание,
сшивая лоскутья страха...
О дерзость сакраментального: «сколько еще мне дают?..»
(Голос сходит на нет — подразумевается: «времени!»)
И только когда услышишь: «смерть — не лотерея»,
сам понимаешь—тебе уже не дают ничего!
Остается одно — попытаться умереть достойно.
А это значит, что...
Черт возьми, я знаю, что это значит,
хотя делаю это впервые!
Пытаюсь ускользнуть от тоски,
пока не навалилась великая усталость.
А ведь я еще должен убедить
все эти тени, меня хранящие,
— они возникают откуда-то из беспамятства —
что они, эти тени, мне дороги и дороги будут всегда,
пока во мне не угаснет мысль...
И это самое трудное.

СОН-НАВАЖДЕНИЕ

— Ты где-то есть?.. А если так, то где?..
— В памяти.
— То есть нигде! Словно тебя и не было никогда!
— Какое это имеет значение... Ты же не отрицаешь, что я есть.
— Я сам придумал, что ты есть.
— А ты уверен, что сам?
— А кто же еще? Нам отказано в благодати совместной смерти!
— Кое-какой благодати и мы удостоены: я живу, пока ты живешь.
По-твоему, этого мало?
— Для меня — так себе утешение, для тебя — убежище ненадежное.

— Ты не хочешь поделиться со мной жизнью?
— А ты поделилась со мной смертью?..
— Я ведь не знала, как... Ты должен понять.
— Ничего я не должен. Хочу, чтоб ты была настоящей...
Непридуманной... Я не знаю, где ты!
— Какое это имеет значение... Я — в тебе. Вот и все!

ПЛАЧ О СВЯТОМ ГЕОРГИИ

Святого Георгия нет в живых Он не умер
Копьем не пронзен и с копьем не подымлет руку
Не со щитом и не на щите
Из седла не выбит но и не в седле
Не в плену у язычников
В рабство не продан Не обречен на муку
Ни в нечистотах ни в кипящем свинце ни в смоле
Святой Георгий сроду на свете не жил —
Святой Георгий святым Георгием не был
Достойных доверия свидетельств
Маловато чтобы установить личность
Говорят о перекрашенных иконах
О противоречиях в легенде Доспехи мол не доспехи
Конь не конь подвиг не подвиг
Дева бывшая там бесследно исчезла
Всевидящее око мигает вместо ответа
Да но что делать с досками расписными
Золотящимися холстами и грубо тесанным камнем?
Святого Георгия нет в живых
Кодекс рыцарской чести составлен
При подозрительных обстоятельствах
По одной из версий — его сочинили цыгане
Бредущие вслед за луной и бродячим сюжетом
По другой — плутоватые слуги какого-то пилигрима
Нищая братия в придорожной корчме

С пустой сумой зато перед полной кружкой

Церковь приняла новинку с понятной сдержанностью

Но что делать раз она овладела массами

Дракон поселился в пещере рыцарь занес копье

В защиту целомудренных дев и невинных младенцев

Но все это был обман прельстительная химера

Скоро нам придется узнать: дракон не разил огнем

И не рубил хвостом Это делал палач

Мир стремится к концу

Он больше не состоит из четырех стихий

Он приспособился к подслеповатым зенкам

Которые замечают лишь множество вместо единства

Никто уже не служит Амвросиеву литургию

Никто не ловит каждое слово папы Геласия

Святой Георгий упразднен

Ну что ж

Никто не выедет на поле в белых латах

С крестом червонным

Никто не явится воинству под Иерусалимом

Ничего не останется ни от подвига ни от свидетельства

А что будет с девицей

Доколе ей пребывать непорочной

Как быть с младенцами

Сколько можно молчать

Истинно говорю вам —

Кто убьет дракона?

Мы тихие нищие духом

С верой творящие мир смиренно милосердные

Вечно чистые сердцем Мы принимаем муки

Плачем алчем и жаждем

Мы чье спасенье заключено в этом слове

Чья реальность обманчива и неподлинна жизнь

Мы кричим раздирая в клочья траурные одежды

Святого Георгия нет

Веди нас святой Георгий!